

АКАДЕМИЯ ТЁРНХОЛЛ · КНИГА. ПЕРВАЯ

АЛИСА ВЕРНЕР

Фамильяр ДЛЯ МАГИСТРА

или Аудит магической академии

Алиса Вернер

**Фамильяр для магистра, или
Аудит магической академии**

«Автор»

2026

Вернер А.

Фамильяр для магистра, или Аудит магической академии /
А. Вернер — «Автор», 2026

Вера Соколова — старший аудитор из Новосибирска. Она умеет найти недостачу в любом отчёте, но никак не ожидала, что однажды вечером провалится сквозь пол офиса прямо в магическую академию. Да ещё и в роли фамильяра! Строгий магистр Рейнар Дарт ждал огненную саламандру, а получил женщину, которая требует письменный договор и видит над людьми цифры магического резерва. До Солнцеворота, когда можно будет вернуться домой, — девяносто шесть дней. Только цифры в академии не сходятся: у студентов пропадает сила, кто-то очень обаятельный годами ведёт двойную бухгалтерию, а дорога домой может закрыться навсегда. Что ж, аудиторская проверка начинается.

Содержание

Глава 1. Неучтённый актив	5
Глава 2. Договор, которого я не подписывала	9
Глава 3. Опись имущества	13
Глава 4. Десятина	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Алиса Вернер

Фамильяр для магистра, или Аудит магической академии

Глава 1. Неучтённый актив

В половине одиннадцатого вечера офис аудиторской компании «Ресурс-Консалт» пахнет остывшим кофе, тонером и чужими нервами.

Свои нервы я давно отучила пахнуть. Двенадцать лет в профессии — восемь в аудите, четыре до этого в бухгалтерии завода металлоконструкций — делают из человека существо практичное и малоэмоциональное. Если у клиента не сходится баланс, я не паникую. Я ищу, где именно не сходится. А потом нахожу, кто именно сделал так, чтобы не сходилось.

Сегодня не сходилось на семь миллионов триста сорок тысяч рублей.

— Ну где же ты, моя хорошая, — пробормотала я, листая оборотно-сальдовую ведомость по шестидесятому счёту. — Покажись тёте Вере.

Тётя Вера, к слову, была двадцати семи лет от роду, но после девяти вечера чувствовала себя на все пятьдесят. Спина ныла, глаза слезились от монитора, а в голове крутилась мысль о том, что Дебет опять не поужинал вовремя и сейчас мстит моим тапкам.

Дебет — это кот. Большой, рыжий, с порванным ухом и характером налогового инспектора. Подобрала я его три года назад у подъезда, мокрого и злого. Он с тех пор так и остался злым, только высох. Назвала в честь первого, что пришло в голову. Коллеги смеялись. Мама вздыхала: «Вера, у людей коты Барсики, а у тебя — проводка».

Монитор мигнул.

Я моргнула в ответ. Строчки в таблице на секунду поплыли, а потом снова встали на место. Переутомление. Я потёрла переносицу, сделала глоток холодного кофе, поморщилась и вернулась к цифрам.

Поставщик «Альфа-Строй». Предоплата в марте. Поставка в апреле. Ещё одна предоплата в мае. И ещё одна — в июне. А поставок больше нет. Зато есть подписанные акты сверки, в которых всё прекрасно, и есть подпись главного бухгалтера, которая в июне выглядит чуть увереннее, чем в марте.

— Ага, — сказала я вслух.

И в этот момент монитор погас.

Не выключился, как при скачке напряжения, а именно погас — словно экран втянул в себя весь свет. Следом погасла настольная лампа. Затем — светильники под потолком. Огромный офис на тридцать столов погрузился в темноту, и только за окном мерцал мокрый ночной Новосибирск.

— Прекрасно, — сказала я темноте. — Просто прекрасно. Файл я, разумеется, не сохраняла.

Темнота не ответила. Зато под моим креслом что-то тихо зазвенело.

Звук был странный. Так звенит хрусталь, если провести мокрым пальцем по ободку бокала, — тонко, протяжно, на одной ноте. Я опустила взгляд и увидела, что ковролин под колёсиками кресла светится. Тонкие голубые линии складывались в круг, внутри круга — ещё один, а между ними бежали знаки. Не буквы, не цифры. Что-то среднее, угловатое и, на первый взгляд, абсолютно бессмысленное.

Хотя нет. Не бессмысленное.

Я смотрела на эти знаки, и они — честное слово — складывались. Как столбик в ведомости. Вот это — приход. Это — расход. Это — остаток, который должен перейти в следующий период. И остаток не сходился. Где-то в этом светящемся круге была ошибка, грубая и глупая, как опечатка в номере счёта.

— Интересно, — сказала я. Очень спокойно. Профессионально. Так, как говорю клиентам, когда нахожу у них двойную бухгалтерию.

А потом пол исчез.

Падала я недолго, но очень основательно. Сначала было ощущение, будто меня протаскивают через узкую трубу, наполненную ледяной водой. Потом стало жарко. Потом в ушах зазвенело так, что я закричала, но собственного крика не услышала. А потом я ударилась спиной о что-то твёрдое, холодное и гладкое, и мир наконец перестал вертеться.

Я лежала на каменном полу.

Над головой — высокий сводчатый потолок, тёмный от копоти. По стенам — факелы. Нет, не факелы — шары света, висят в воздухе без всякой опоры, тёплые и чуть желтоватые. Вокруг меня — тот самый круг, только теперь он был выложен на полу серебряной проволокой и медленно гас.

А рядом стоял мужчина.

Высокий. В длинном тёмно-сером одеянии, похожем то ли на мантию, то ли на очень дорогое пальто старинного кроя. Волосы чёрные, коротко остриженные, лицо резкое, будто вырезанное по линейке. Скулы, прямой нос, тонкие губы, сжатые в ниточку. Глаза — светлые, почти прозрачные, серо-голубые, как лёд на Оби в марте.

И эти глаза смотрели на меня с тем выражением, с каким я сама смотрю на ведомость, в которой не сходится семь миллионов.

— Это не саламандра, — сказал он.

Голос был низкий и очень ровный. Говорил он на непонятном языке, но я почему-то понимала каждое слово. Мозг просто переводил, не спрашивая разрешения, как навязчивое приложение в телефоне.

— Совершенно определённо не саламандра, — согласилась я с пола. — Вы кто?

Мужчина не ответил. Он присел на корточки, не касаясь меня, и внимательно оглядел — от растрёпанного пучка волос до офисных туфель на невысоком каблуке. Задержал взгляд на бейджике, приколотом к блузке. «Соколова В. А., старший аудитор». Нахмурился ещё сильнее.

— Вы говорите, — констатировал он.

— Говорю. А вы, похоже, нет. В смысле, не отвечаете на вопросы. Где я? Что случилось? Это какой-то розыгрыш? Если это корпоратив, то он в ноябре, а сейчас октябрь, и я не давала согласия на квест.

— Вы разумны, — продолжил он так, будто я не сказала ни слова. — Вы человек. Вы не местная. И вы стоите в контуре моего призыва.

— Лежу, — поправила я.

— Лежите, — согласился он и выпрямился. — Это хуже.

Я села. Голова кружилась, спина болела, во рту стоял привкус металла. Платье-футляр, купленное в прошлом году на распродаже, задралось почти до неприличия, и я торопливо одёрнула подол. Потом подумала и встала, держась за ближайшую колонну. Колонна оказалась настоящей, каменной, шершавой и очень холодной.

Это был не розыгрыш.

Я поняла это не умом, а чем-то глубже — тем, что всегда первым чувствует неладное в отчётности. Воздух пах иначе: воском, травами и чем-то острым, как после грозы. Свет не мерцал, как электрический. А у мужчины напротив над левым плечом висели... цифры.

Я моргнула.

Цифры не исчезли. Бледно-голубые, полупрозрачные, они плавали в воздухе рядом с его головой, как ценник в супермаркете. «4 812». Ниже, мельче: «-3 140». И ещё ниже, совсем тонко: «остаток 1 672».

— Что это у вас над плечом? — спросила я.

Мужчина медленно повернул голову, посмотрел себе за плечо. Потом снова на меня.

— Ничего.

— Там цифры.

Пауза.

— Какие цифры?

— Четыре тысячи восемьсот двенадцать. Минус три тысячи сто сорок. Остаток тысяча шестьсот семьдесят два. Если что, арифметика верная. Хотя, судя по виду, вы потратили многовато.

Он смотрел на меня так долго, что я начала сомневаться: может, я сказала что-то неприличное на местном языке? Потом он очень тихо произнёс:

— Четыре тысячи восемьсот двенадцать искр — мой полный резерв. Призыв обошёлся в три тысячи сто сорок. Это знаю только я.

— Ну, теперь знаю и я, — пожала я плечами. — Мне вообще-то нужно домой. У меня отчёт не сохранён и кот не кормлен. Вы можете отправить меня обратно? Тем же путём, только, пожалуйста, без падения на спину.

Он отвернулся и прошёлся вдоль погасшего круга. Наклонился, тронул пальцем серебряную проволоку. Выпрямился. Сложил руки за спиной. По тому, как напряглись его плечи под тканью, я поняла: ответ мне не понравится.

Я знаю эту позу. Так стоят финансовые директора, когда собираются сказать, что первичные документы «утрачены при переезде».

— Нет, — сказал он.

— Нет — в смысле «не сейчас»? Или нет — в смысле «никогда»?

— Нет — в смысле «до Солнцеворота».

— А Солнцеворот у вас когда?

— Через девяносто шесть дней.

Я открыла рот. Закрыла. Снова открыла.

— Девяносто шесть дней, — повторила я. — Это квартал. Вы понимаете, что такое квартал? У меня годовой отчёт клиента горит. У меня ипотека. У меня кот, в конце концов! Кто его будет кормить девяносто шесть дней?!

— Я не знаю, что такое ипотека, — ответил он. — И мне жаль вашего кота.

Последние слова прозвучали так, будто ему действительно было жаль. Это почему-то разозлило ещё сильнее.

— Тогда сделайте что-нибудь! Вы же меня сюда... вытащили? Призвали? Вот и отзовите. Как платёжное поручение. Ошибочно направленное.

— Магия так не работает.

— А как она работает?

Он повернулся ко мне. Свет от висящих шаров лёг на его лицо, и я увидела, что он очень бледен. Под глазами залегли тени. Над плечом цифра «остаток 1 672» слабо мерцала, как батарейка на последнем делении.

— Каждый год в первый день осени студенты пятого курса и преподаватели Академии Тёрнхолл призывают фамильяров, — сказал он медленно, как лектор, объясняющий очевидное нерадивому первокурснику. — Существо, которое приходит в контур, связывается с призывателем. Связь держится до ближайшего Солнцеворота. В ночь Солнцеворота Колодец Академии наполняется до краёв, и тогда связь можно разорвать без вреда для обоих. Раньше — нельзя.

— А если попробовать раньше?

— Кто-то из нас умрёт. Возможно, оба.

— Ясно, — сказала я. — Ясно. Отлично. То есть у меня с вами... связь.

— У вас со мной связь, — подтвердил он без всякого выражения. — По законам королевства Эльвард и уставу Академии вы — мой фамильяр.

Я посмотрела на него. Он посмотрел на меня. Где-то в глубине зала капала вода.

— Фамильяр, — повторила я. — Это как у ведьм? Чёрная кошка, сова, жаба?

— Как правило, огненная саламандра, ледяной хорёк или искряк. Иногда ворон.

— А вам досталась я.

— А мне досталась вы, — согласился он, и в голосе впервые прозвучало что-то живое. Усталость. Глухое, бесконечное раздражение человека, у которого весь день всё идёт не так. — Старший... — он покосился на бейджик, — аудитор. Что бы это ни значило.

— Это значит, — сказала я, подходя ближе и задирая голову, потому что он был выше меня на полторы головы, — что я двенадцать лет профессионально нахожу ошибки в чужой работе. И ваш круг, между прочим, был составлен с ошибкой. Я видела. Там, где остаток переходит в следующий... сектор, у вас знак не тот стоит. Поэтому вместо саламандры к вам и притащило бухгалтера.

Он замер. Медленно опустил взгляд на потухший круг. Потом снова на меня.

— Вы видели формулу контура, — сказал он.

— Я видела, что она не сходится.

— Её невозможно увидеть изнутри. Её невозможно прочитать без шести лет обучения.

Её...

— А я видела, — упрямо повторила я. — И цифры над вами вижу. Тысяча шестьсот семьдесят два. Нет, уже тысяча шестьсот семьдесят. Вы что, тратите эти ваши искры прямо сейчас?

Он сжал губы. И я поняла: тратит. Чтобы стоять ровно, не шататься и не показывать мне, как ему плохо.

Мы помолчали.

— Как вас зовут? — спросила я наконец. Раз уж нам девяносто шесть дней друг друга терпеть, надо хотя бы знать, к кому обращаться с претензиями.

Он чуть склонил голову. Церемонно, будто мы стояли не в подвале, а на приёме.

— Рейнар Дарт. Магистр теоретической магии и призыва Королевской академии Тёрнхолл.

— Вера Соколова, — ответила я. — Старший аудитор. Можно просто Вера. Хотя, учитывая обстоятельства, «просто» вряд ли получится.

Магистр Дарт кивнул, будто поставил галочку в списке. Затем снял с себя длинное серое одеяние и, не говоря ни слова, накинул мне на плечи. Ткань была тяжёлая, тёплая и пахла чем-то горьким — полынью или дымом.

— Вы дрожите, — пояснил он, отступая. — В подземном зале холодно. Идёмте. Ректору придётся объяснить, почему в реестре фамильяров этого года появится запись «вид: человек».

— А вы объясните, — сказала я, закутываясь в чужую мантию, — что у вас в контуре не тот знак стоял.

Он остановился у двери. Обернулся.

— Если вы правы, — произнёс он негромко, — то этот знак ставил не я.

И вышел, оставив меня наедине с гаснущим кругом и мыслью, что, кажется, в этом мире у меня тоже не сходится баланс.

Глава 2. Договор, которого я не подписывала

Кабинет ректора Академии Тёрнхолл располагался на самом верху Восточной башни, и к нему вели сто сорок две ступени. Я сосчитала. Считать — это то, что я делаю, когда нервничаю. И когда не нервничаю тоже.

На сто двадцатой ступени магистр Дарт остановился и оперся рукой о стену. Всего на секунду. Если бы я не смотрела на цифры над его плечом — «1 641... 1 638...» — я бы, наверное, и не заметила.

— Вам плохо, — сказала я.

— Мне нормально.

— У вас остаток падает по три искры за ступеньку.

Он резко обернулся. В полутьме лестницы его светлые глаза блеснули, как у кота.

— Прекратите.

— Что прекратить?

— Смотреть.

— Я не могу не смотреть, — честно ответила я. — Это как попросить меня не замечать опечатку в договоре. Физически невозможно. Хотите, я пойду первой, и вы не будете чувствовать моего взгляда в спину?

Он ничего не ответил, развернулся и пошёл дальше. Но, клянусь, на следующих двадцати ступенях он тратил уже по две искры, а не по три. Гордость — тоже ресурс. Иногда очень эффективный.

Ректор Морвенна Хальд оказалась женщиной лет семидесяти, сухой и прямой, как жердь, с белоснежными волосами, уложенными в сложную косу короной. На ней было тёмно-синее платье с высоким воротником, а на носу — очки в тонкой золотой оправе. Над её плечом висела цифра «9 870», и я невольно присвистнула про себя. Вот это резерв. Вот это, я понимаю, уставной капитал.

Кабинет был полон книг, свитков и каких-то медных приборов, которые тихо тикали и поскрипывали. В углу, на жёрдочке, дремал огромный серый ворон. При нашем появлении он открыл один глаз, оглядел меня с ног до головы и сказал:

— Кар-р. Интер-ресно.

— Он говорит, — пробормотала я.

— Он стар и любопытен, — ответила ректор, не поднимая головы от бумаг. — Как и я. Садитесь, дитя. Рейнар, ты тоже сядь, пока не упал. От тебя пустотой фонит на весь этаж.

Магистр Дарт сел — не так, как садятся уставшие люди, а так, как садятся на допросе: на краешек стула, спина прямая, руки на коленях. Я опустила в соседнее кресло, кутаясь в его мантию.

Ректор отложила перо, сняла очки и посмотрела на меня. Взгляд у неё был цепкий, как у опытной налоговой проверки. Я выдержала его, не моргнув. Налоговых проверок я видела много.

— Человек, — сказала ректор задумчиво. — Взрослая женщина. Из иного мира, судя по одежде и... — она кивнула на бейджик, — письменам. Рейнар, за сорок лет руководства этой академией я видела в контурах призыва многое. Огненного дракончика размером с собаку. Говорящую жабу. Однажды — призрак прабабушки призывателя, который потом три месяца критиковал его выбор невесты. Но человека — никогда.

— Я знаю, ректор.

— Объясни.

— Я не могу.

— Можешь, — вмешалась я. — Ну, то есть он может, но не хочет при мне. В его круге стоял неправильный знак. Вот здесь, — я подняла руку и нарисовала в воздухе угловатый символ, который запомнился мне ещё там, внизу. — Вместо вот такого, — я нарисовала другой, похожий, но с лишней чертой, — который был бы логичен для переноса остатка.

В кабинете стало очень тихо. Даже медные приборы, кажется, перестали тикать. Ворон открыл второй глаз.

Ректор медленно надела очки.

— Повторите, — попросила она.

Я повторила.

— Вы знаете руническую нотацию контуров?

— Нет. Я вообще не знаю, что это такое. Я просто видела, что там не сходится. Как в таблице. Знаете, когда смотришь на столбик, и сразу ясно: тут кто-то ошибся. Или специально ошибся.

Ректор перевела взгляд на магистра. Магистр смотрел в пол.

— Рейнар, — сказала она очень мягко, и от этой мягкости у меня по спине пробежал холодок. — Кто готовил контур?

— Я сам. Как всегда.

— Кто имел доступ к Нижнему залу после того, как ты его начертил?

Пауза.

— Хозяйственная часть, — сказал он наконец. — Перед каждым призывом они проверяют подачу эфира из Колодца. Это стандартная процедура.

— Проректор Вейс?

— Его люди. Сам проректор, полагаю, тоже заходил.

Ректор долго молчала. Потом побарабанила пальцами по столу и вздохнула.

— Это мы обсудим позже. Без свидетелей. — Она снова повернулась ко мне, и лицо её стало официальным, как бланк строгой отчётности. — Госпожа...

— Соколова. Вера Андреевна.

— Госпожа Соколова. Вы уже поняли, что вернуться домой до Солнцеворота невозможно?

— Мне сказали. Но я хотела бы услышать это от руководства. Знаете, у нас говорят: если исполнитель сказал «нельзя», надо спросить у его начальника.

Ворон издал звук, подозрительно похожий на смешок.

— Невозможно, — подтвердила ректор. — Связь призыва — одна из древнейших магических клятв. Её нельзя расторгнуть, не убив одного из связанных. В ночь Солнцеворота Колодец Академии переполняется, и избыток эфира позволяет открыть проход обратно. Если пожелаете, мы вернём вас туда, откуда вы пришли. А до тех пор...

— До тех пор я — фамильяр, — закончила я. — Мне уже объяснили. Скажите, а что фамильяр должен делать? Есть какая-то должностная инструкция?

Ректор моргнула. Кажется, этого вопроса ей за сорок лет руководства не задавали ни разу.

— Фамильяр, — медленно проговорила она, — сопровождает призывателя. Помогает ему в магической работе — делится силой, усиливает чары, иногда служит проводником. Живёт рядом. Подчиняется.

— Нет, — сказала я.

— Простите?

— Подчиняться я не буду. Сопровождать — пожалуйста. Помогать — если смогу и если мне объяснят как. Жить рядом — ну, раз деваться некуда. Но подчиняться — нет. Я не подписывала никакого договора. Я вообще-то сидела на работе и никого не трогала. Меня вытащили сюда без моего согласия. По нашим законам это называется похищением.

— По нашим — призывом, — сухо сказал магистр.

— По нашим, — повернулась я к нему, — вы бы уже давали объяснения в отделе полиции. Но я великодушна. Я готова сотрудничать. На взаимовыгодных условиях. И хочу, чтобы эти условия были записаны.

— Записаны, — повторила ректор.

— На бумаге. С подписями сторон. Срок действия — до Солнцеворота. Права и обязанности. Порядок разрешения споров. Что вы предоставляете мне — жильё, питание, одежду, доступ к информации. Что я предоставляю вам — сопровождение и помощь в пределах разумного. Что происходит, если одна из сторон нарушает условия. Знаете, такой нормальный договор.

Магистр Дарт смотрел на меня так, будто я предложила ему съесть собственную мантию. Ректор же — я готова была поклясться — изо всех сил старалась не улыбнуться. Уголки её тонких губ подрагивали.

— Ворон, — сказала она наконец. — Бумагу и чернила.

Ворон тяжело слетел с жёрдочки, прошёлся по столу, подцепил клювом стопку листов и подвинул их ко мне. Чернильница стояла рядом. Перо — настоящее, гусиное, — тоже.

— Пишите, — разрешила ректор. — А мы подпишем. Рейнар, не делай такое лицо. Девушка права. Ты вытащил её из дома без спроса. Самое меньшее, что ты можешь сделать, — это гарантировать ей приличные условия.

— Ректор, фамильяры не заключают договоров.

— Фамильяры не бывают аудиторами, — отрезала она. — Привыкай к новому.

Договор я писала минут сорок. Перо цеплялось, чернила капали, буквы выходили кривыми — но, к моему удивлению, выходили на местном языке. Я думала по-русски, а рука сама выводила угловатые знаки здешнего алфавита. Связь, как пояснила ректор, — она даёт фамильяру понимание языка призывателя. Удобная штука. У нас бы за такую в бюро переводов душу продали.

Получилось так:

«ДОГОВОР О ВРЕМЕННОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Магистр Рейнар Дарт, далее — Сторона Первая (Призыватель), и госпожа Вера Соколова, далее — Сторона Вторая (Фамильяр), заключили настоящий договор о нижеследующем.

1. Срок. С момента подписания до ночи Солнцеворота.

2. Сторона Первая обязуется: обеспечить Сторону Вторую отдельным жильём с запирающейся дверью; трёхразовым питанием; одеждой по погоде; доступом в библиотеку и к любой информации, касающейся способа возвращения домой. В ночь Солнцеворота — обеспечить возвращение Стороны Второй в её мир без вреда для здоровья.

3. Сторона Вторая обязуется: сопровождать Сторону Первую в рабочее время; оказывать помощь в магической работе, если таковая возможна и не угрожает её жизни и здоровью; не покидать территорию Академии без уведомления.

4. Сторона Вторая не обязана выполнять распоряжения Стороны Первой, противоречащие её убеждениям, здравому смыслу и настоящему договору.

5. Споры разрешаются ректором Академии.

6. Дополнительно. Сторона Первая обязуется приложить разумные усилия, чтобы выяснить, кто кормит кота Стороны Второй».

Последний пункт магистр Дарт прочёл дважды. Потом поднял на меня глаза.

— Как, по-вашему, я должен это выяснить?

— Разумными усилиями, — сказала я. — Там написано. Вы маг, вы что-нибудь придумаете.

— Я не могу заглянуть в другой мир.

— Пока не можете. А может, и сможете. У вас девяносто шесть дней.

Он долго смотрел на меня. Потом взял перо и, не сказав больше ни слова, поставил подпись — резкую, острую, с длинным росчерком. Я расписалась рядом. Ректор поставила третью подпись внизу, а потом капнула на лист расплавленным сургучом и прижала печать с изображением башни.

— Заверено, — сказала она. — Ворон, внеси в реестр. Фамильяр магистра Дарта. Вид: человек. Особые отметки: договор номер один.

— Кар-р, — ответил ворон и, клянусь, это прозвучало как «наконец-то хоть что-то интересное».

Мне выделили комнату рядом с апартаментами магистра Дарта. Маленькую — пять шагов в длину, четыре в ширину, — но с окном, кроватью, шкафом и, главное, с дверью, которая запиралась изнутри на тяжёлый железный засов. Я проверила засов трижды. Потом проверила, нет ли в стене второй двери. Потом — нет ли чего подозрительного под кроватью.

Под кроватью оказалась пыль и одинокий шерстяной носок.

— Комната принадлежала моему ассистенту, — пояснил магистр, стоя в дверях и не переступая порога. Видимо, тоже уважал пункт про «отдельное жильё». — Он закончил обучение весной. С тех пор я обходился без помощника.

— Почему?

— Потому что люди меня утомляют.

— Взаимно, — сказала я. — Но мы потеряем.

Он кивнул, будто это был исчерпывающий ответ. Помедлил. Потом сказал, глядя куда-то мимо меня:

— Одежду принесут утром. Завтрак — в восемь, в малой столовой. В девять у меня лекция у третьего курса. Фамильяр обязан присутствовать.

— Сказано же: сопровождать в рабочее время. Буду. — Я помолчала. — Магистр Дарт.

— Да.

— Этот знак в вашем круге. Его специально поставили?

Он ответил не сразу. Цифры над его плечом мерцали — «1 590», почти на сотню меньше, чем было в зале призыва. Ему действительно нужно было лечь.

— Не знаю, — сказал он. — Но если специально, то тот, кто это сделал, хотел, чтобы призыв сорвался. Чтобы контур выпил мой резерв и ничего не дал взамен. Такое случается. Редко. Призыватель после этого неделю не может встать с постели.

— А вместо этого вам досталась я.

— А вместо этого мне досталась вы, — повторил он, и на этот раз в его голосе не было раздражения. Было что-то другое. Задумчивость. — Спокойной ночи, госпожа Соколова.

Он закрыл дверь. Я задвинула засов, села на кровать и некоторое время просто смотрела в окно. За стеклом висели две луны — большая серебряная и маленькая, розоватая, похожая на недозрелое яблоко. Под ними чернел незнакомый лес, а над лесом, совсем далеко, мерцали огни незнакомого города.

— Девяносто шесть дней, — сказала я лунам. — Ничего. Годовой аудит длится дольше.

Я легла, не раздеваясь, укрылась чужой мантией и, к собственному удивлению, почти сразу уснула.

Последней мыслью было: «Дебет, прости. Я обязательно вернусь».

Глава 3. Опись имущества

Одежду принесла девушка лет девятнадцати — веснушчатая, курносая, с двумя рыжеватыми косичками и такой широкой улыбкой, что я на секунду подумала, не заболели ли у неё скулы.

— Доброе утро! — сказала она, едва я отодвинула засов. — Я Лисса! Лисса Брин, первый курс, факультет бытовой магии! Меня ректор прислала, потому что у меня рост примерно как у вас и потому что я всё равно живу в этом крыле! А вы правда человек? Правда из другого мира? А правда, что вы магистра Дарта отчитали при ректоре? Об этом вся академия с утра шепчется! Ой, простите, я, наверное, слишком много говорю. Мама всегда говорит, что я тарахчу, как мельница. Вот, держите!

Она сунула мне в руки ворох ткани. Над её левым плечом висели цифры: «620». А ниже, мелко, — «-62». И ещё ниже — «-38».

Я нахмурилась.

— Доброе утро, Лисса. Да, правда человек. Да, правда из другого мира. А насчёт «отчитала» — это преувеличение. Мы просто обсудили условия сотрудничества.

— Ого, — восхищённо выдохнула она. — Условия! С Ледяным Дартом!

— С кем?

— Ну... — Лисса покраснела до самых косичек. — Его так студенты называют. Ледяной. Потому что он никогда не улыбается, никогда не повышает голос и ставит «неудовлетворительно» так спокойно, будто сообщает прогноз погоды. Но вы не подумайте, он хороший! Строгий, но справедливый. Он мне на вступительных лишний балл накинул за правильно выведенную формулу, хотя мог и не накидывать.

Из-за её плеча высунулась мордочка — длинная, острая, с чёрными бусинками глаз и серебристой шёрсткой, по которой то и дело пробежали голубые искорки. Зверёк был похож на хорька, только мельче и пушистее. Он втянул носом воздух, чихнул, рассыпав облачко крошечных искр, и снова спрятался у Лиссы за воротником.

— Это Пуговка, — пояснила Лисса. — Мой искряк. Ну, не совсем мой — он фамильяр моей старшей кузины, она в прошлом году выпустилась, а он остался. Искряки не могут далеко от академии отходить, им Колодец нужен. Он ко мне привязался. Вы ему понравились. Он чихает на тех, кто нравится.

— Польщена, — сказала я и, помолчав, спросила: — Лисса, а что такое минус шестьдесят два?

Она удивлённо моргнула.

— Что?

— У тебя над плечом. Шестьсот двадцать, минус шестьдесят два, минус тридцать восемь. Улыбка медленно сползла с её лица.

— Вы... видите эфир?

— Я вижу цифры. Если это эфир — то да, вижу.

Лисса огляделась по сторонам, будто проверяя, не подслушивает ли кто, шагнула в комнату и прикрыла за собой дверь.

— Шестьсот двадцать — это мой резерв, — шёпотом сказала она. — Маленький, я знаю. У меня семья простая, отец мельник, никаких магов в роду. Меня взяли на королевскую стипендию. Минус шестьдесят два — это десятина. Каждый студент отдаёт десятую часть резерва в Колодец. Это закон. Колодец питает всю академию — свет, тепло, защитные чары, фамильяров. Без десятины всё развалится.

— А минус тридцать восемь?

— Это... — она замялась. — Я не знаю. Правда не знаю. Я думала, это просто усталость. Я последний месяц всё время устаю. Засыпаю на лекциях. Голова кружится. Целительница сказала, что это от нагрузки на первом курсе, что так у всех бывает.

Я посмотрела на неё внимательнее. Под глазами у Лиссы и правда залегли голубоватые тени, которых не скрывала даже её улыбка. А в цифре «-38» было что-то неправильное. Она не была частью десятины. Она висела отдельно, как платёж без назначения.

Как предоплата поставщику, который ничего не поставил.

— У всех так? — спросила я.

— Не знаю. Наверное. Я не спрашивала. — Лисса передёрнула плечами, и Пуговка у неё за воротником тревожно пискнул. — Ой, вам же одеваться надо! А то опоздаете на завтрак, а магистр Дарт опозданий не прощает. Даже фамильярам, наверное.

Одежда оказалась удобной: тёмно-зелёное шерстяное платье до середины голени, плотные чулки, мягкие кожаные ботинки на шнуровке и короткий жакет с серебряными пуговицами. На левом рукаве жакета была нашита эмблема — башня в круге, а под ней тонкая серебряная полоска.

— Это знак фамильяра, — пояснила Лисса, помогая мне застегнуть пуговицы. — Чтобы все видели, чей вы. У Пуговки такая же полоска на ошейнике. Ну, раньше была. Он ошейник съел.

— Разумный зверь, — пробормотала я.

Малая столовая была уютной комнатой с низким сводчатым потолком и длинным дубовым столом. Магистр Дарт уже сидел во главе — в свежей тёмно-серой мантии, выбритый, причёсанный, с чашкой чего-то дымящегося в руке. Над плечом висело «2 104». За ночь он восстановился почти на пятьсот искр. Неплохая доходность.

Он поднял взгляд, когда я вошла. Оглядел — платье, жакет, нашивку. Задержался взглядом на нашивке на долю секунды дольше, чем на всём остальном. Кивнул.

— Доброе утро, госпожа Соколова.

— Доброе утро, магистр Дарт. Вы восстановились на четыреста девяносто две искры. Поздравляю.

Он поставил чашку на стол. Очень аккуратно. Как ставят чашку, когда хочется ею в кого-нибудь запустить.

— Я просил вас не смотреть.

— А я объяснила, что не могу. Зато могу не комментировать. Если хотите — не буду.

— Хочу.

— Хорошо. — Я села напротив и пододвинула к себе тарелку. Каша, хлеб, масло, кусок сыра, яблоко. Простая еда, но пахла она так, что у меня свело желудок. Я ведь со вчерашнего обеда ничего не ела. — Тогда вопрос без комментариев. Что такое тридцать восемь искр, которые списываются у студентов сверх десятины?

Магистр Дарт замер с ложкой у рта.

— Что?

— У Лиссы Брин. Первый курс, бытовая магия. Резерв шестьсот двадцать. Десятина — шестьдесят два, всё правильно. И ещё минус тридцать восемь. Отдельной строкой. Без назначения.

Он медленно опустил ложку.

— Вы это видели?

— Утром. Только что.

— Это невозможно. Десятина отбирается учётными амулетами раз в месяц, в первый день. Ровно десять процентов. Амулеты зачарованы лично ректором и проверены хозяйственной частью. Ошибки исключены.

— У меня в практике был завод, — сказала я, намазывая масло на хлеб, — где тоже считалось, что ошибки исключены. Кассовый аппарат был опломбирован, бухгалтер — с тридцатилетним стажем, директор — член городского совета. А потом оказалось, что пломбу перевешивали каждую пятницу. Знаете, сколько ушло за пять лет? Сорок два миллиона. Ошибки исключены, магистр, только в учебниках.

Он смотрел на меня поверх стола. Цифры над его плечом не менялись, но мне показалось, что он о чём-то очень напряжённо думает.

— Ешьте, — сказал он наконец. — Лекция через сорок минут.

Лекционная аудитория номер семь была амфитеатром на сто мест, и все сто были заняты. Третий курс. Студенты лет двадцати — юноши в серых мантиях, девушки в мантиях темно-синих, у кого-то на плече дремал ворон, у кого-то на коленях свернулся клубком ледяной хорёк, от которого шёл лёгкий пар. Когда мы с магистром вошли, гул голосов стих так резко, будто кто-то выключил звук.

Сто пар глаз уставились на меня. Над каждой головой — цифры. Сотня ценников. Сотня балансов. У меня на секунду закружилась голова.

— Садитесь, — сказал магистр, кивнув на высокий табурет у края кафедры. — Фамильяр находится рядом с призывателем.

Я села. Табурет был жёсткий и неудобный. Я подумала, что у их фамильяров, наверное, хвосты, и им всё равно.

— Тема сегодняшней лекции, — магистр повернулся к доске, — баланс эфира в трёх-компонентном контуре. Записывайте.

Он взял мел и начал писать. Писал он быстро и аккуратно, знаки ложились ровными рядами — те же угловатые символы, что я видела в круге призыва. И, как и вчера, я понимала их. Не смысл, не теорию, а структуру. Здесь эфир поступает. Здесь — распределяется по трём узлам. Здесь — возвращается в контур. Приход, расход, остаток.

Минут через десять он остановился, подчеркнул итоговую строчку двумя линиями и повернулся к аудитории.

— Таким образом, при входящем потоке в триста искр контур стабилизируется на остатке...

— Сто двенадцать, — сказала я.

Он замер. Сто голов повернулись ко мне.

— Простите? — очень тихо спросил магистр.

— Не сто четырнадцать, как у вас на доске, а сто двенадцать. Во втором узле вы перенесли тридцать восемь, а там должно быть сорок. Видите, там, где переход между вторым и третьим? Вы забыли учесть потерю на... ну, на трении, или как это у вас называется. Две искры. Мелочь, но она тянется до итога.

В аудитории стояла такая тишина, что было слышно, как сопит ледяной хорёк в третьем ряду.

Магистр Дарт повернулся к доске. Долго смотрел на неё. Потом взял тряпку, стёр «114» и написал «112». Медленно положил мел.

— Фамильяр прав, — сказал он аудитории. — Потеря на рассеянии во втором переходе. Две искры. Запишите.

С задних рядов кто-то хихикнул. Потом ещё кто-то. А потом с третьего ряда поднялся высокий светловолосый юноша в серой мантии с серебряной вышивкой по вороту — дорогой,

как я сразу определила намётанным глазом, раз в пять дороже, чем у остальных. Над его плечом висело «3 980». Богатенький мальчик. Во всех смыслах.

— Магистр Дарт, — протянул он с ленивой улыбкой. — Прошу прощения, но правильно ли я понимаю: теперь лекции нам будет читать ваш фамильяр? Может, нам и экзамен ей сдавать?

Смешки стали громче.

Магистр Дарт не шевельнулся. Только цифра над его плечом дёрнулась — «2 087», «2 081».

— Кассиан Лорн, — произнёс он ровно. — Сядьте.

— Я просто уточнил...

— Вы уточнили. Я услышал. Сядьте. И к следующей лекции подготовьте доклад о потерях на рассеянии в многокомпонентных контурах. Двадцать страниц. С примерами.

Юноша побледнел и сел. Смешки стихли. А я посмотрела на магистра и поймала себя на мысли, что, пожалуй, он мне начинает нравиться. Совсем чуть-чуть. Процентом на пять. В пределах допустимой погрешности.

После лекции, когда аудитория опустела, он долго собирал бумаги, не глядя на меня. Потом сказал, всё так же не поднимая головы:

— Вы могли сказать мне после лекции.

— Могла, — согласилась я. — Но тогда сто человек записали бы неправильный ответ. А потом кто-нибудь из них построил бы по нему контур, и тот развалился бы. Я двенадцать лет работаю с отчётностью, магистр. Ошибка, которую заметили, но промолчали, всегда обходится дороже, чем неловкость от того, что её заметили вслух.

Он наконец поднял на меня взгляд.

— Вы всегда такая?

— Какая?

— Неудобная.

— Всегда, — сказала я. — Меня поэтому и берут на сложные проверки. Удобных аудиторов полно. Они подписывают всё, что им дают.

Он долго молчал. А потом — я не поверила своим глазам — уголок его рта дрогнул. Не улыбка. Тень улыбки. Намёк на неё.

— Тридцать восемь искр, — сказал он. — У Лиссы Брин. Вы уверены?

— Абсолютно.

— Тогда после обеда мы проверим ещё десяток студентов. Тихо. Без комментариев. — Он помедлил. — Если вы правы, госпожа Соколова, у академии большие проблемы.

— Если я права, — ответила я, — у кого-то в академии очень большие доходы.

Глава 4. Десятина

Мы проверили не десять студентов, а сорок три.

Магистр Дарт придумал простой способ: он садился в библиотеке, на галерее второго этажа, откуда был виден весь читальный зал, а я садилась рядом с блокнотом и пером. Студенты внизу листали книги, шептались, грызли перья и даже не подозревали, что их проверяют. Я называла цифры. Он записывал имена. Удобно, тихо и, как он выразился, «вполне в рамках пункта третьего вашего договора».

— Помощь в магической работе, — согласилась я. — Хотя мне кажется, это больше похоже на инвентаризацию.

— Что такое инвентаризация?

— Это когда пересчитывают всё, что есть, и сравнивают с тем, что должно быть. Обычно оказывается, что чего-то не хватает. А иногда — что лишнего много. Лишнего, между прочим, бояться надо больше. Недостачу можно списать на воришку-кладовщика. А излишки означают, что кто-то сознательно прячет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.